Чертовы куклы

Иоффе М.А.

Маргарита Иоффе

Чертовы куклы

«Автор»
2026

Иоффе М.

Чертовы куклы / М. Иоффе — «Автор», 2026

Как завладеть душой и телом самого могущественного мужчины страны — самого короля, — когда ты всего лишь дочь богатых буржуа, девица третьего сословия? Как удержать его душу и разум, даже когда собственное тело тебе откажет? Как остаться теневым министром Франции, сосредоточив в своих тонких фарфоровых ручках все богатства и власть над страной?Ответ знала лишь одна женщина — великая маркиза де Помпадур. Ради версальской короны она трижды переступила порог Призрачного Рынка и обрела трон, но что потеряла? Что то гораздо более ценное: саму человеческую суть! Когда пыл монарха к её опочивальне угас, она не смирилась с ролью забытой фаворитки, а превратила чужую страсть в оружие. Она нашла выход — тайный гарем «Олений парк»! Все, кто меняет и продаёт себя в угоду прихотям толпы, — всего лишь чёртовы куклы, и первой среди них стала она сама. Все они, эти чёртовы куклы, остались калеками в своих золотых клетках, а Жанна Пуассон сгорела — но ушла непобеждённой...

© Иоффе М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Блюдо для короля. 6
Глава 2. Замужество. 11
Глава 3. География судьбы. 14
Глава 4. Легендарный бал-маскарад. 17
Глава 5. Между мирами. 19
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Маргарита Иоффе
Чертовы куклы

Название: Чертовы куклы.
Автор(-ы): Иоффе Маргарита
Ссылка: https://author.today/work/658022

Глава 1. Блюдо для короля.

Окончен путь, устала грудьИ сердцу хочется немного отдохнуть.

Н. Плещеев, «Окончен путь, устала грудь...»

Пасмурный, ненастный день апреля 1764 года. Небо над Францией налилось свинцом, словно сама природа оплакивала ту, что долгие годы была её истинным лицом — капризным, прекрасным и недосягаемым.

По мокрой, блестящей от ливня мостовой площади Армий в Версале медленно двигалась траурная процессия. Тяжёлые колёса погребальных дрог с глухим стуком врезались в лужи, разбрызгивая грязную воду по камням. На открытой платформе покоился гроб, обтянутый плотным чёрным бархатом с серебряным позументом, который тускло поблескивал под серыми каплями дождя. Вокруг, ссутулившись под порывами холодного ветра, брели слуги в глухих траурных плащах.

За гробом шла лишь крошечная горстка людей. Всесильный министр герцог де Шуазель, сохранивший верность павшей фаворитке даже после её смерти, да две преданные камеристки, едва сдерживавшие слёзы. И больше никого.

Из тысячи придворных, которые ещё недавно пресмыкались у её ног, ловили каждый вздох и заискивающе улыбались в надежде на милость, в эту последнюю минуту к гробу не вышел ни один. Халдеи, шуты, льстецы и лизоблюды — их крутились здесь толпы. Бесконечная, безликая челядь «подай-принеси», жившая за счёт её щедрости. Теперь они испарились, растворились в золочёных коридорах Версаля, спеша засвидетельствовать почтение новым фавориткам.

Жестокий и непреклонный этикет дома Бурбонов гласил: посторонняя женщина не имеет права оставаться в Версале мёртвой. Гроб с телом обязан покинуть пределы королевского дворца до того, как часы пробьют полночь.

А Жанна-Антуанетта Пуассон, маркиза де Помпадур, при всей своей оглушительной славе, оставалась именно такой — посторонней.

Девятнадцать лет она прожила в этих роскошных, душных стенах. Она перестроила половину этого исполинского дворца, диктовала волю министрам, двигала армии, лично переписывалась с австрийской императрицей Марией-Терезией и российской самодержицей Елизаветой. Её слово весило больше, чем законы королевства. Но во всех строгих, высохших версальских реестрах она так и осталась чужачкой. Буржуазкой, занявшей чужое место. Тенью, которую Версаль спешил исторгнуть из себя, едва в её груди утих последний чахоточный хрип.

На втором этаже дворца, скрытый тяжёлыми портьерами у окна, стоял человек, которому суровый этикет запрещал выходить к этой процессии. Король Людовик XV смотрел сверху вниз на то, как под проливным дождём увозят женщину, с которой он делил жизнь почти два десятилетия.

Он плакал. Беззвучно, горько, не пряча слёз от пустой комнаты. В его голове, заглушая шум ливня, пульсировала лишь одна сиротливая мысль: «Какую отвратительную дорогу вы выбрали для своего последнего путешествия, маркиза...»

В этот момент отчаяние захлестнуло абсолютного монарха Франции. Но мгновение спустя он судорожно вытер лицо платком, повернулся спиной к окну и пошёл горевать в глубь своих золочёных, безжизненных покоев. Потому что так устроена власть. Потому что именно этот жестокий урок она — его Жанна — преподала ему двадцать лет назад, когда сама была ещё никем.

За фасадом этой пышной придворной хроники скрывалась не просто очередная историческая биография, а безжалостная механика человеческих амбиций. Как существо, у которого нет ничего, превращает это «ничего» в абсолютное «всё»? Какую цену оно за это платит и что

остаётся внутри, когда игра заканчивается, а мишура осыпается? Это история Жанны-Антуанетты Пуассон, маркизы де Помпадур — женщины, которая придумала себя сама и успела стать легендой раньше, чем чахотка позволила ей состариться.

Это история не про любовь. Это история про власть. Про то, как девочка без титула, без благородной крови, без единого законного права на величие становится подлинным правителем могущественной державы. И про страшную, нечеловеческую цену, которую за это берут там — на Призрачном Рынке.

К моменту своей смерти в сорок два года эта женщина успела стать не просто королевской фавориткой. Она безраздельно правила страной как первый министр Франции на протяжении девятнадцати лет. Она перекроила всю союзническую карту Европы: рассорила Францию с Пруссией и заключила союз с вековой соперницей — Австрией, втянув державу в кровопролитную Семилетнюю войну, которую Вольтер позже назовёт первой в истории всемирной войной.

Маркиза де Помпадур оставила после себя неизгладимый след в культуре. Она основала знаменитую фарфоровую мануфактуру в Севре, которая работает до сих пор, и лично стояла за прилавком, торгуя изысканными безделушками. Она выстроила Военную школу на Марсовом поле и подарила миру архитектурный шедевр — Малый Трианон. Она формировала вкус целой эпохи: заказывала полотна Франсуа Буше, пастельные портреты Мориса Латура, пышные оперы Жана-Филиппа Рамо. Именно она двигала вперёд просвещение, тайно покровительствуя великой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. Это она спасла бунтаря Вольтера от Бастилии и за руку привела его во Французскую академию.

После её ухода осталось восемнадцать роскошных резиденций, богатейшая библиотека из трёх с половиной тысяч томов, двадцатитомная переписка с величайшими умами мира и... легендарный каблук-рюмочка, который по сей день в обувной моде всей планеты носит её имя.

Чтобы понять, как дочь опального парижского интенданта, выросшая в строгих, пахнущих ладаном стенах монастыря урсулинок в Пуасси, оказалась в главной спальне Версаля рядом с королём Франции, нужно вернуться назад. Почти на сорок три года.

Девочка родилась 27 декабря 1721 года в Париже. Ей дали изящное имя Жанна-Антуанетта, но фамилия её отца звучала приземлённо и грубо: Пуассон — «Рыба». Франсуа Пуассон принадлежал к третьему сословию. В нём не было ни капли благородной крови, зато было много азарта. Он промышлял торговлей на чёрном рынке, запутался в долгах и, потеряв всё, в 1725 году был вынужден позорно бежать из страны, спасаясь от долговой тюрьмы.

За его красавицей женой Мадлен и двумя маленькими детьми стал присматривать более удачливый и богатый покровитель — генеральный откупщик Ле Норман де Турнем. Жанна росла очаровательной и поразительно умной. Опекун, заприметив в девочке редкую искру, не пожалел денег на её образование. В ту галантную эпоху состоятельные мужчины ценили в женщинах не только фарфоровую кожу, но и умение поддержать разговор об искусстве и литературе. Жанну готовили к блестящему замужеству.

В девятнадцать лет она действительно вышла замуж за племянника своего опекуна, Шарля-Гийома д'Этиоль. Юная мадам д'Этиоль познала радость материнства: у пары родилось двое детей. Но рок, словно не желая, чтобы Жанна пускала корни в обычную, земную жизнь, наотмашь ударил её — оба ребёнка умерли ещё во младенчестве. Судьба словно намеренно выламывала её из привычных рамок, направляя к иной, страшной вершине властной и безжалостной рукой.

А началось всё гораздо раньше. В самый обычный, будничный парижский день, когда Жанне исполнилось всего девять лет.

Мать привела её в полутёмную, пропахшую сушёными травами и прогорклым воском каморку гадалки по имени мадам Лебон. Мадлен Пуассон выложила на стол немалую по тем

временам сумму в целых девять ливров. За эти деньги ясновидящая должна была заглянуть в будущее худенькой, бледной девочки с огромными, не по-детски внимательными глазами.

Ладошка у ребёнка оказалась узкой, вытянутой, с удивительно тонкими и гибкими пальцами — настоящая кисть аристократки духа, а не дочери разорившегося откупщика. Спустя годы современники в своих мемуарах будут восторженно упоминать её природную грацию и осанку, а придворный живописец Франсуа Буше станет с особым трепетом выписывать эти изящные руки на парадных портретах.

Мадам Лебон склонилась над столом, пристально вглядываясь в тонкие линии на детской ладони.

На узкой детской ладони чётко проступали две главные черты, предрекавшие великий взлёт. Первая — мощная и ранняя Линия Судьбы. Провидица смогла разглядеть будущее Жанны уже в девять лет лишь потому, что эта глубокая вертикальная борозда начиналась у самого запястья и ровной стрелой тянулась прямо к среднему пальцу. Это был знак человека, с детства наделённого сверхцелью, чья жизнь подчинена железному, неумолимому долгу.

Рядом с Линией Судьбы вверх, к безымянному пальцу, устремлялась яркая черта — Линия Аполлона, знак оглушительной славы, публичного признания, роскоши и покровительства искусствам. Без сильного холма и этой редкой отметины буржуазка без титула никогда не сумела бы долгие годы удерживать власть над королём и всей Францией, став величайшей меценаткой своей эпохи.

Линия Ума на детской ладони круто спускалась вниз, к холму Луны — редкий знак необузданной фантазии, мечтательности, артистизма и склонности к театру и мистике. Обычная буржуазка обладала бы прямой, практичной купеческой чертой, но у Жанны она оказалась творческой, лунной. Именно этот дар позволил ей девятнадцать лет удерживать Людовика XV не столько увядающей красотой, сколько острым умом и тонкой интригой. Она безошибочно угадывала тайные страхи монарха, умела мастерски очаровывать людей и незаметно управлять их чувствами.

Но проступал на её ладони и другой, по-настоящему зловещий знак — укороченная Линия Жизни. Будущая маркиза всю жизнь отличалась хрупким здоровьем и сгорела от жестокой чахотки всего в сорок два года. Она кашляла кровью, годами страдала от удушья, бесконечных простуд и изнуряющих мигреней, но каждое утро прятала смертельную бледность под толстым слоем румян и белил, чтобы Людовик XV не заметил её немощи.

На детской руке Линия Жизни резко обрывалась, тая на самой середине ладони. Рядом с ней не было спасительной Линии Марса — знака Ангела-Хранителя, который тянется параллельно вдоль холма Венеры и в хиромантии считается главным щитом, вытягивающим людей из самых безнадёжных недугов. У Жанны эта защита отсутствовала: её некому было уберечь, и в решающий час она осталась один на один со своей болезнью и беспощадным долгом.

Она без остатка выжгла свою жизненную энергию ради власти и удержания внимания монарха. Так что в девять лет провидица увидела на её ладони редкое сочетание: утончённую водную руку прирождённой актрисы, стальную вертикаль власти — Линию Судьбы — и ослепительную вспышку славы, которой суждено было оборваться слишком рано. Вся дальнейшая жизнь Жанны стала наглядным доказательством того, как слепая вера в предсказание способна подчинить себе и перекроить человеческую судьбу.

Мадам Лебон долго всматривалась в ладонь ребёнка, неторопливо перебирала засаленные карты, а затем её лицо исказилось. Взгляд гадалки остекленел, словно она смотрела не на девочку, а сквозь неё — туда, где клубился странный, нездешний туман.

— Это дитя будет царствовать в сердце короля! — хрипло воскликнула провидица. А быть может, в тот день её сухие губы произнесли куда более приземлённые, но оглушительные для буржуазной гостиной слова: — Ты будешь любовницей короля, девочка!

Мать отнеслась к этому предсказанию со всей серьёзностью одержимой женщины. С того самого дня дома Жанну-Антуанетту шёпотом, но благоговейно называли не иначе как «маленькой королевой». Её учили петь, танцевать, декламировать стихи и держаться так, словно под её ногами был не обычный паркет, а мраморные плиты Версаля. Сама Жанна поверила в это пророчество настолько, что спустя десятилетия, уже умирая, вписала в своё завещание особый пункт — назначить пожизненную и щедрую пенсию некоей даме Лебон, провидице из её детства.

Но мадам Лебон в тот день утаила от матери одну деталь. Когда Мадлен, окрылённая услышанным, уже потянулась за своим плащом, гадалка крепко, до боли сжала тонкое запястье девочки. Её глаза сузились, а голос упал до зловещего шёпота:

— Королевское сердце стоит дорого, малютка. Обычному человеку такую цену не потянуть. Но если ты действительно этого хочешь... В полнолуние ищи рынок, которого нет на картах Парижа. Там принимают совсем другую монету.

Французская метафора *Morceau de roi* — «кусочек для короля», лакомый кусок на монаршем столе — как нельзя лучше обнажала всю трагедию Жанны. Мать вырастила из неё идеальный товар, планомерно и холодно создавая из собственной дочери изысканное блюдо для пресыщенного правителя. У ребёнка не оставалось ни единого шанса на иную долю.

Через пятнадцать лет пророчество гадалки сбудется. Мадлен Пуассон будет гордо считать, что её девочка сделала всё сама — выдрессировала собственную судьбу, словно породистую охотничью лошадь. Но правда была куда мрачнее: мать сама с ранних лет вела дочь по жёстко заданной программе, навсегда лишив её права выбора.

Каждый день, из года в год, Мадлен повторяла дочери эти жестокие слова. Позже верная камеристка маркизы, мадам Дюоссе, запишет это в своих мемуарах. Выражение *Morceau de roi* — сочное и циничное понятие восемнадцатого века — означало не просто любовницу или куртизанку. Оно означало редкое, изысканное блюдо, приготовленное по особому рецепту исключительно для королевского стола.

Мадлен вбивала эту мысль в голову девочки с того самого 1730 года, когда ясновидящая Лебон произнесла своё пророчество. Гадалка тогда не уточнила, какого именно монарха. Да в этом и не было нужды: во Франции 1730 года король мог быть только один — Людовик XV.

Это история женщины, получившей абсолютное могущество в эпоху, когда женщинам власть не выдавали по праву рождения. Жанна взяла её единственным доступным способом — через тело короля. Но куда важнее то, что она сумела удержать вершину в тот переломный момент, когда одного лишь тела стало уже недостаточно.

Именно тогда, в начале 1753 года, на тихой улочке всего в десяти минутах ходьбы от парадного входа в Версаль начнёт работать небольшой, скрытый за высоким забором двухэтажный особняк. В реестрах тайной полиции и в шёпотах придворных он останется под именем Олений парк. Туда из Парижа, Лиона, а порой из далёких Праги и Венеции будут тайно привозить юных девушек — четырнадцати, пятнадцати, шестнадцати лет. Чаще из нищих семей, изредка — из разорившегося дворянства. Кто их подбирал, как оплачивал их молчание и что с ними случалось, когда король остывал — об этом пойдёт отдельный, страшный разговор. Но хозяйкой этого конвейера юности была она. Женщина, которая сама перестала быть *Morceau de roi*, чтобы стать тем, кто это блюдо королю подаёт.

Но всё это будет позже. А сейчас вернёмся в удушливую спальню Версаля, к той самой женщине, чьё остывающее тело вскоре вынесут под холодный апрельский дождь.

В свои последние часы Жанна лежала на высоких подушках, с трудом ловя ртом воздух, который казался ей расплавленным золотом, выжигающим лёгкие. Чахоточный бред отступал, оставляя после себя звенящую, ледяную ясность. Роскошные резиденции, севрский фарфор, переписка с Вольтером — всё это вдруг обернулось грудой крашеного мусора. Маски сброшены. Дрессированная судьба подошла к обрыву.

Именно тогда, когда за тяжёлым балдахином кровати затихли торопливые шаги испуганных придворных, Жанна уловила знакомое, ни с чем не сравнимое дуновение. Так пахли сырой речной туман, горькие ночные травы и сама холодная, бездонная космическая вечность.

Призрачный Рынок, на порог которого она впервые ступила много лет назад, вернулся за ней. В третий и последний раз.

Глава 2. Замужество.

С этой фразой — *Morceau de roi* — Жанна-Антуанетта росла, словно с невидимым клеймом на бледной коже.

На бесконечных, изнуряющих уроках клавесина она до болезненных мозолей на пальцах разучивала только те пьесы, что звучали на закрытых королевских вечерах. На занятиях декламацией без устали отрабатывала тончайшее, едва уловимое произношение, которое мгновенно отличало потомственную версальскую аристократию от крикливых парижских буржуа, торговавших на площадях. На уроках танцев её тело ломали, заставляя часами, до судорог в икрах, учить менуэт именно версальского образца — тот самый, что едва заметным наклоном головы и особым скольжением атласных туфель отличался от менуэта парижского.

Её учили не тому, чему обычно обучали девиц из третьего сословия, которых готовили к выгодному купеческому браку и ведению скучной домашней бухгалтерии. Жанну дрессировали так, словно она родилась дочерью старого французского герцога, предназначенной для первого ряда королевской свиты. И вся эта дорогостоящая прихоть, если заглянуть в сохранившиеся гроссбухи расчётливого опекуна Ле Нормана де Турнема, оплачивалась из семейного бюджета отдельной строкой расходов под сухим, деловым кодом: «Образование особое!».

В суровом, насквозь промёрзшем, пахнущем сыростью, воском и дешёвым постным маслом монастыре урсулинок в Пуасси Жанна провела четыре долгих года — с восьми до двенадцати. Пока другие послушницы покорно молились и вышивали салфетки для аббатисы, она жадно впитывала латынь, штудировала историю Франции и географию Европы, заучивала наизусть полтора десятка сложнейших трагедий Расина и Корнеля. Но главное — именно там, за высокими монастырскими стенами, она упорно постигала высшую науку. Науку намертво управлять собственным лицом.

Учиться этому приходилось под бесконечный, надрывный кашель, служивший привычным фоном монастырских будней. Чахотка была настоящим, безжалостным проклятием Пуасси. Огромные каменные кельи урсулинок почти не отапливались; зимой по углам проступала ледяная сырость, а из узких окон непрерывно тянуло сквозняками. Изнурительные посты с жидкой чечевичной похлёбкой и полным отсутствием мяса быстро подрывали силы юных послушниц. Сёстры жили, молились и трудились в общих мастерских в такой тесноте, что стоило одной монахине зайтись кашлем на вечерней службе, как через месяц кровью на платки кашляли уже в нескольких соседних кельях. Именно в этой сырой, удушливой обители хрупкие лёгкие Жанны получили свой первый скрытый удар, затаившийся внутри до назначенного срока.

Мимика, разумеется, не входила в официальную программу урсулинок. Но именно она значилась главным пунктом в тайной науке, которую внушала ей мать. Мадлен Пуассон неустанно твердила, что живые эмоции — это непозволительная слабость. Однако обычная земная дрессировка не могла обмануть природу: лицо Жанны всё ещё выдавало и страх, и усталость. Ежеминутное внутреннее напряжение сжигало девочку изнутри. И когда холодные монастырские стены начали давить невыносимо сильно, а особое воспитание обернулось золотой клеткой, судьба впервые распахнула перед ней двери.

Это случилось дождливой осенью, незадолго до её двенадцатилетия, когда Жанну накрыл первый сильный приступ лихорадки. Задыхаясь в душной келье от сухого, раздирающего горло кашля, она закрыла глаза от бессилия и очнулась вовсе не в обители Пуасси. Сквозь липкий бред до неё донёсся смутный зов далёкого Призрачного Рынка, ледяное дуновение неземной вечности. Руки девочки стали холодными, точно мрамор, а пальцы онемели. Но в тот раз жар отступил, наваждение рассеялось, и испуганная Жанна постаралась поскорее забыть это видение, списав всё на обычную горячку.

Когда Жанне-Антуанетте исполнилось девятнадцать лет, опекун Турнем торжественно подписал брачный контракт между ней и своим родным племянником — Шарлем-Гийомом Ленорманом д'Этиолем. Жених был на четыре года старше. Солидный откупщик с внушительным состоянием, он не обладал ни яркими талантами, ни большими амбициями, ни глубоким умом. Мадам Дюоссе позже запишет в своих мемуарах: Шарль-Гийом влюбился в Жанну с первого взгляда. Это была сокрушительная, слепая страсть, которую он пронёс через всю жизнь. Он не разлюбил её даже после того, как она швырнула этот брак ему под ноги и ушла в Версаль; хранил это чувство и после её смерти, и даже после собственной вынужденной женитьбы на другой женщине.

Жанна-Антуанетта мужа не любила. Она искренне уважала его, была безмерно благодарна за статус, богатство и ту тихую гавань, которую он ей предоставил. Но её сердце, выдрессированное матерью, оставалось ледяным. На их пышном свадебном обеде, под оглушительный звон бокалов, густые запахи запечённого мяса и поздравления сытых парижских буржуа, молодая жена, расправляя тяжёлые складки венчального платья, с безупречной улыбкой произнесла фразу, которая мгновенно облетела весь город и попала в дневники всех мемуаристов эпохи: «Я никогда и ни за что не оставлю своего мужа... Кроме как ради короля!»

Если спать — то с королём, если брать — то миллион: таков был её девиз, укоренившийся в мыслях прочнее любых религиозных заповедей.

Вся эта шумная компания за столом разразилась громом хохота. Юная жена обычного откупщика и абсолютный монарх Франции! Какая дерзкая шутка для свадебного пира. Гости шумно утирали слёзы от смеха, не подозревая, что под маской веселья Жанна только что произнесла жёсткий приговор собственной судьбе. Впрочем, пока это оставалось лишь эхом материнских слов. Настоящая семейная жизнь оказалась куда мягче и теплее, чем суровая монастырская муштра.

Шарль-Гийом окружил жену безграничным обожанием. Он без лишних слов подарил ей великолепное имение Этиоль неподалёку от королевских охотничьих угодий в Сенарском лесу, выстроил для неё частный театр, с восторгом исполнял любые прихоти. Жанна впервые за долгие годы перевела дух. Её затянутая в тиски корсетов юность на время обрела покой, уступив место домашнему теплу. Она держала блестящий салон, принимала выдающихся философов, пела, рисовала и наслаждалась тишиной, о которой в ледяных стенах Пуасси не могла и мечтать.

А в августе 1744 года Жанна родила дочь, Александрину-Жанну. И вот здесь безупречно отлаженный механизм Жанны-Антуанетты дал первый, самый удивительный сбой. Крошечная девочка стала единственным существом на свете, к которому холодная, расчётливая мадам д'Этиоль вспыхнула дикой, всепоглощающей материнской нежностью. Александрина сделалась её главной уязвимостью, единственной живой точкой в застывшей душе. Жанна могла сыграть страсть, могла отрепетировать любовный восторг или безошибочно рассчитать траекторию слезы ради грядущей выгоды, но любовь к дочери сыграть было нельзя. Это чувство исцеляло её, превращая в обычную, счастливую женщину. В те месяцы Жанна качала колыбель и меньше всего думала о Версале — у неё наконец появилось то, что было страшно потерять больше самой жизни.

Она была счастлива. Простая, сытая, буржуазная жизнь мадам д'Этиоль казалась безмятежной. Пророчество гадалки Лебон начало блекнуть, превращаясь в глупую детскую сказку. Жанна искренне верила, что перехитрила предначертанное и сможет остаться здесь, в Этиоле — среди роз, книг и детского смеха.

Она ещё не знала, что у судьбы, взращённой на Призрачном Рынке, слишком цепкие когти. Совсем скоро этот хрупкий мир начнёт рушиться под жестокими ударами рока, заставляя её вспомнить, для чего именно она была создана. Старая монастырская болезнь вернётся, а король обратит на неё свой взор, подталкивая к бездонному ларчику менял, где ей всё-таки

придётся навсегда обменять своё живое лицо на непроницаемую маску власти... И где-то там, в холодном тумане между торговыми рядами, невидимые весы Времени уже качнулись, отсчитывая её сорок два года...

Глава 3. География судьбы.

Поместье Этиоль было не просто загородным домом. Это было изящное шато, раскинувшееся на живописном берегу Сены ровно в четырнадцати километрах от Версаля и в двадцати от столицы. С одной стороны к поместью вплотную подступал вековой, тенистый лес Сенар — излюбленные королевские охотничьи угодья, где Людовик XV вместе со своей свитой травил оленей почти каждую неделю. С другой стороны лежал Париж, до которого в хорошей рессорной карете можно было докатить всего за полтора часа.

Эта география не была случайностью. Опекун Турнем приобрёл Этиоль с холодным, гроссмейстерским расчётом именно из-за его уникального расположения. Спустя годы маркиза де Помпадур, оглядываясь назад, назовёт эти четырнадцать километров до короля «географией судьбы». Став законной мадам д'Этиоль, Жанна-Антуанетта немедленно превратила шато в центр блестящей интеллектуальной жизни. Она открыла собственный салон, и вскоре тихие аллеи имения наполнились шумом карет, привозящих цвет парижской мысли. С 1743 года здесь подолгу гостил язвительный Вольтер, заглядывали драматург Кребийон-младший, престарелый философ Фонтенель, утончённый президент Эно и временами сам Монтескьё.

В кругу этих титанов ума юная Жанна держалась с поразительной лёгкостью. Она пела, декламировала, спорила о политике и искусстве, очаровывая гостей не столько своей молодостью, сколько живой, острой эрудицией. Вольтер, восхищённый хозяйкой салона, в письме к своей подруге, умнейшей женщине эпохи маркизе дю Шатле, дал Жанне короткую, но безошибочно точную характеристику:

«Маленькая, изящная, с кожей цвета слоновой кости, голубыми глазами, безупречным вкусом, тонким умом и достаточной волей, чтобы преодолеть всё, что ей понадобится».

Эмили дю Шатле, обладавшая математическим складом ума и умевшая просчитывать траектории планет, прочитав эти строки, на мгновение задумалась. А затем взяла очиненный карандаш и размашисто начертила на полях письма всего одно-единственное слово: «Опасная».

Она не ошиблась. За фасадом уютного буржуазного счастья, за шелками домашних платьев и нежным воркованием над колыбелью Александрины в Жанне-Антуанетте продолжала жить та самая девочка с «особым образованием». Дрессированная воля, о которой писал Вольтер, пока спала, убаюканная любовью мужа. Но география судьбы уже приводила стрелки этих невидимых часов в движение. Королевская охота в Сенарском лесу была слишком близко.

В Сенарском лесу Жанна-Антуанетта впервые появилась осенью 1744 года, когда её маленькой Александрине исполнилось всего несколько месяцев.

Зрелище вышло ослепительным. Посреди вековых дубов и серого утреннего тумана внезапно пронёсся открытый фаэтон вызывающего, сочного розового цвета с откинутым верхом. Лёгкую повозку несла четвёрка великолепных серых в яблоках лошадей, а на козлах застыл кучер в безупречной синей ливрее.

Король в тот день охотился именно в этой части леса. Строжайший охотничий этикет Бурбонов гласил: любые частные повозки обязаны безропотно уступать дорогу королевской кавалькаде, поспешно отъезжать вглубь чащи и ни в коем случае не попадаться монарху на глаза.

Жанна-Антуанетта свою повозку не убрала. Наоборот — она летела наперерез королевской гончей стае. И Людовик XV её заметил. Ещё бы — как можно было пропустить такое вызывающее, дерзкое пятно посреди сонного леса!

Через несколько дней она появилась в чаще снова. На этот раз её фаэтон сменил цвет на глубокий голубой. Были другие лошади, другая ливрея кучера, но в экипаже сидела всё та же

женщина — загадочная, манящая и яркая, словно экзотический заморский цветок, случайно распустившийся под парижским небом.

Это был чистый, гроссмейстерский расчёт — яркая вспышка, заставляющая взгляд уставшего монарха задержаться. Можно ли влюбляться и сходиться по расчёту? Можно. Лишь бы расчет, как у мадам д'Этиоль, оказался безупречно выверенным. Людовик XV заглотил наживку. Вскоре в шато д'Этиоль прибыл королевский лакей с охотничьим даром повелителя — свежей олениной. А на следующий день к порогу доставили роскошную корзину спелых персиков, выращенных в закрытых королевских оранжереях в Шуази. Это было первое прямое, осязаемое внимание со стороны хозяина Франции.

Жанне исполнилось двадцать три года. Она пребывала в полном упоении: молодая, счастливая, защищённая любовью мужа и дочерью, теперь она нисколько не сомневалась в собственной неотразимости. Программа матери, казалось, воплощалась в жизнь легко и красиво, без всякой магии.

Король заприметил её, потому что тайно искал хоть что-нибудь, способное разогнать его тяжёлую меланхолию. Людовик XV был мужчиной поразительно красивым, но при этом глубоко скрытным и смертельно скучающим. Это был человек с проницательным умом и полным отсутствием воли, которому невыносимо тяжело давалось ежедневное бремя власти. Он менял фавориток вовсе не от буйства плоти, а от беспросветной повседневной тоски, в тщетной надежде найти хоть какое-то утешение.

И Жанна-Антуанетта, сама того ещё не ведая, предложила ему лучшее лекарство от этой хандры. Она предложила ему интригу.

Король Франции, прозванный Возлюбленным, взошёл на престол пятилетним ребёнком и правил государством пятьдесят восемь лет. Государственные дела интересовали монарха мало — он предпочитал проводить время в изысканных развлечениях. Он охотно покровительствовал искусствам, естественным наукам и медицине, но главным его спасением от дворцового уныния оставались женщины.

Чтобы понять природу этой тоски, нужно заглянуть в его детство. Людовик XV родился в 1710 году в Версале. Он вовсе не должен был унаследовать престол, поскольку в очереди перед ним стояли дед, отец и старший брат. Но когда мальчику исполнилось два года, во дворце разразилась страшная эпидемия кори. За считанные недели болезнь скосила всю королевскую семью. Малыш выжил лишь потому, что его воспитательница, мадам де Вантадур, наглухо заперлась с ним в дальних покоях и не подпустила к ребёнку лекарей с их смертоносными кровопусканиями.

В 1715 году скончался его великий прадед Людовик XIV, и пятилетний сирота остался единовластным монархом Франции. Его называли Чудом, вся нация молилась за его здоровье. Пока он рос, регенты и придворные ловили каждый его вздох и потакали любым прихотям, взрастив в нём глубокую, болезненную избалованность. Но при этом юный государь обладал острым аналитическим умом. Вместо военных походов он страстно увлекался точными науками — астрономией, географией, ботаникой и хирургией. В Версале для него обустроили тайные лаборатории, где монарх лично ставил опыты, чертил карты и проводил смелые эксперименты с электричеством.

Главным проклятием Людовика XV оставалась чёрная, удушающая, смертельная скука. Государь страдал от жесточайшей хандры и меланхолии, которую не могли разогнать ни пышные балы, ни травля оленей. Он панически боялся болезней, разговоров о смерти и... уныния. Его законная супруга, польская принцесса Мария Лещинская, родив ему десять детей, быстро устала от бурного темперамента мужа и наглухо закрыла двери своей спальни, окончательно толкнув Людовика в объятия фавориток.

Весь Версаль постепенно превратился в изощрённый марионеточный театр, где тайный сыск и искусство развлекать монарха ценились превыше любых государственных законов. Тот,

кто умел изо дня в день отвлекать короля от мрачных мыслей, мгновенно получал негласную власть над всей Францией.

Сначала он получил прозвище Возлюбленный, но из-за чудовищных трат на фавориток, проигранных войн и постоянных распрей с парламентом народ его возненавидел. Именно в его царствование расцвела эпоха Просвещения с великими умами вроде Вольтера и Руссо, а Жанна де Помпадур стала для монарха главным незримым барьером, отсекающим неприятные вести. Людовик XV панически боялся публичных скандалов, поэтому создал «Секрет короля» — первую в истории Франции мощную тайную разведывательную сеть, действовавшую в обход его собственных министров. Он скончался в 1774 году от чёрной оспы в том же Версале, оставив своему внуку Людовику XVI разорённую страну на пороге революции.

Этот правитель оказался идеальной мишенью для будущей маркизы. Умный, но безвольный, смертельно скучающий мужчина, он прятался от суровой реальности в научных опытах и альковных тайнах. И именно под его капризный нрав Жанна изобретала свою безупречную фарфоровую маску, домашний театр и пастельную моду рококо, речь о которых пойдёт впереди.

А пока корзина со спелыми персиками из Шуази быстро опустела, но их сладкий, густой аромат ещё долго стоял в прохладных комнатах шато Этиоль. Жанна неторопливо перебирала пальцами атласные ленты на новых платьях, которые портнихи доставляли из Парижа каждую неделю. Первые знаки монаршего внимания были получены, наживка сработала безупречно, но мадам д'Этиоль прекрасно понимала, что случайных встреч в Сенарском лесу больше не будет. Людовик XV перебрался на зиму в Версаль, скрывшись за спинами сотен бдительных придворных. Чтобы нанести свой главный, сокрушительный удар, Жанне требовалось проникнуть в святая святых двора. И такая возможность представилась ей в феврале 1745 года, когда по всей Франции объявили о пышном полуночном маскараде в честь свадьбы дофина. Жанна принялась готовить свой самый дерзкий наряд, совершенно не подозревая, что именно на этом празднике её судьба окончательно сделает первый шаг навстречу туманам Призрачного Рынка.

Глава 4. Легендарный бал-маскарад.

История этого мимолётного лесного внимания тлела ещё несколько месяцев. Жанна терпеливо ждала своего часа, оттачивая внутреннее оружие, пока Версаль суетливо готовился к большим торжествам. Двадцать пятого февраля 1745 года во дворце праздновали бракосочетание дофина Людовика, наследника престола, с инфантой Марией-Терезой Испанской. По этому случаю в ослепительной Зеркальной галерее был назначен пышный бал-маскарад. Замысел праздника предполагал полную анонимность: придворные являлись в глухих масках и причудливых костюмах, надёжно скрывавших их звание и род.

Но самую изощрённую шутку придумал сам Людовик XV. Король и семеро его самых доверенных дворян вышли к гостям в совершенно одинаковых, причудливых нарядах. Они были одеты в костюмы ровно подстриженных тисовых деревьев — огромные конусы, обшитые искусственной зелёной хвоей, с широкими нижними юбками и высокими шапками-коронами. Самая эпатажная маскировка в истории Версаля. В одиннадцать часов вечера эти восемь безликих тисов чинно внесли свои раскидистые кроны в Зеркальную галерею. Наступила полная неразбериха. Ни одна дама в зале не могла угадать, под каким именно деревом скрывается повелитель Франции. Этот маскарад навеки вошёл в историю под именем «Бал тисов». И именно он стал сценой для главного, решающего спектакля в жизни мадам д'Этиоль.

Жанна-Антуанетта явилась на праздник в образе богини Дианы-охотницы. В её руке был маленький изящный лук, в причёске сиял серебряный полумесяц, а платье из струящегося греческого шёлка, дерзко обнажавшее одно плечо, приковывало взгляды мужчин. Этот наряд служил прямым, недвусмысленным намёком: перед королём стояла та самая незнакомка, которую он с прошлого лета то и дело встречал в Сенарском лесу. Жанна не стала суетливо метаться по душной галерее. Она слишком долго изучала повадки, особую осанку и ленивые, замедленные жесты Людовика во время охоты, чтобы допустить ошибку.

Один из безликих тисов отделился от остальных и медленно, шурша искусственной хвоей, приблизился к ней. Музыка заиграла громче, и они вступили в менуэт — тот самый, версальский, с особым скольжением атласных туфель и наклоном головы, который Жанна много лет разучивала в юности. Она говорила с абсолютным монархом вовсе не так, как привычные, заискивающие придворные дамы. Молодая женщина мягко спорила, изящно пикировалась в ответ на его реплики и искренне, заразительно смеялась. Для смертельно скучающего Людовика эта дерзкая беседа под масками стала настоящим спасением от повседневной тоски.

Через минуту тисы один за другим начали снимать свои громоздкие головные уборы. Под ними обнаруживались раскрасневшиеся, потные лица придворных вельмож, с которых ручьями стекала пудра. Только одно дерево упрямо не сбрасывало листву — именно то, что танцевало с Дианой-охотницей. Спустя ещё несколько минут, очарованный её остроумным, лёгким слогом, монарх увлёк её за собой в полутёмную боковую галерею. Там, скрытая от сотен любопытных глаз плотными суконными портьерами, Жанна протянула тонкую руку и сама решительно сняла с него тяжёлую тисовую корону. Он был пленён.

Перед ним стояла та самая упрямая незнакомка из Сенарского леса. Но когда Людовик услышал её настоящее имя, по рядам застывших гостей пополз ядовитый, злой шёпот. Она была всего лишь буржуазкой. Плебейкой. Женщиной без единой капли благородной крови в жилах и без громкого родового титула. По всем незыблемым, вековым правилам чопорного Версаля это открытие должно было немедленно поставить жирную, окончательную точку в их едва начавшемся романе. В официальные фаворитки французских королей испокон веков брали исключительно титулованных аристократок самой высокой пробы. Допустить такую особу к государственному престолу казалось присутствующим немыслимым святотатством. Но Людовик XV, вечно страдавший от отсутствия воли, впервые в своей монотонной жизни

увлёкся по-настоящему глубоко и упрямо. В этот миг ему было совершенно безразлично, что диктуют законы двора.

Король был заинтригован до предела. Однако маска не собиралась уступать ему слишком легко. Едва разбудив в монархе острое любопытство, Диана-охотница поспешно скрылась в бурлящей толпе гостей, успев нарочно выронить на натёртый паркет кружевной носовой платок, надушенный тонкими, едва уловимыми духами. Весь Версаль, заметив этот дерзкий жест, тихо ахнул — именно с него началась совершенно новая политическая эпоха Франции. Это и был тот самый миг, когда Жанна-Антуанетта Пуассон, в замужестве мадам д'Этиоль, бесповоротно перешагнула черту и стала той, кем навсегда останется в истории Французского королевства.

Казалось, партия разыграна как по нотам. Через несколько дней в Версале, во время пышного спектакля Итальянской комедии, ложа мадам д'Этиоль оказалась подозрительно близко к королевской — Жанна снова поймала на себе его тяжёлый, изучающий взгляд уставшего человека. Спустя ещё некоторое время произошло то, к чему её кропотливо готовили всю жизнь: король тайно пригласил её на ужин наедине в свои малые апартаменты.

Но после этого первого уединённого вечера случилось нечто такое, чего Жанна никак не могла просчитать наперёд. Людовик словно отшатнулся. Испугался силы собственного внезапного увлечения, страшился этой напористой буржуазки, которая слишком глубоко и бесстрашно заглянула в его смертельно скучающую, закрытую от всех душу. Монарх внезапно замкнулся в себе и на долгие недели будто вовсе забыл о существовании мадам д'Этиоль, оставив её один на один с удушающей неизвестностью.

Тщетно старался первый камердинер Бинэ — дальний родственник Жанны, тайно продвигавший её интересы при дворе, — аккуратными, мимолётными намёками напомнить монарху о прекрасной незнакомке из Сенарского леса. Король оставался глух и холоден, на весь день запираясь в своих тайных физических лабораториях. Стена ледяного молчания казалась непробиваемой.

Для Жанны-Антуанетты, запертой в тишине своего шато Этиоль, наступили дни изнурительного, мучительного ожидания. Время ползло невыносимо медленно. У неё опускались руки от бессилия, а в горле стоял сухой комок. Неужели всё было зря? Неужели *Morceau de roi* — изысканное блюдо, приготовленное матерью ценой разрушенного детства, — оказалось невостребованным и теперь просто остынет на кухонном столе? По ночам из низин Сенарского леса к самым окнам её затихшей спальни начал всё ближе подступать призрачный туман.

Жанна ещё не знала, что за плотно запертыми ставнями королевских покоев в Версале скрывался не просто каприз уставшего мужчины, а постыдный, парализующий ужас. Прошлое настигло Людовика XV самым грязным образом. Сменив на своём ложе четырёх родных сестёр де Нель, монарх заплатил за эту порочную череду страшную цену — он подхватил дурную болезнь. В Версале воцарилась глухая паника. Государя спешно и в строжайшей тайне лечили домашними снадобьями, ртутными примочками и секретными микстурами, стараясь скрыть позор от иностранных послов и бдительной церкви. Его законная супруга, королева Мария Лещинская, давно заперла перед ним двери своей спальни, панически боясь заразы. Король метался в лихорадке, запертый один на один с собственным недугом в глухих стенах секретных лабораторий.

Любая обычная женщина, узнав, в какой опасный и заражённый омут затягивает её эта интрига, бежала бы из Этиоля без оглядки. Но Жанна-Антуанетта уже не принадлежала себе. Выдрессированная матерью, словно заведённый с детства часовой механизм, она оставалась тем самым изысканным блюдом, которое обязано было дойти до королевского стола. Неумолимая Судьба волокла её вперёд, наглухо заглушая и голос разума, и природный инстинкт самосохранения.

Глава 5. Между мирами.

Recours aux expédients — обращение к крайним средствам.

Земной ресурс сил Жанны-Антуанетты подошёл к концу. Шли долгие, изнурительные месяцы 1745 года, а Версаль оставался нем и холоден, точно склеп. История мимолётного лесного внимания тлела без изменений, беспощадно растаптывая гордость молодой женщины. Её сословный комплекс горел от унижения и ярости, а тщеславие было уязвлено. Лето прошло в удушающем вакууме.

В одну из ночей начала сентября мадам д'Этиоль сидела у себя в комнате в усадьбе Этиоль. Ей не спалось. Тяжёлые версальские интриги казались недосягаемыми, а собственная жизнь — застывшей в пустоте.

Она долго стояла у открытого окна, всматриваясь в ночную темноту, пахнущую сыростью и увядающими садами. Потом подошла к бюро и замерла. Внимание её привлекла шкатулка, стоявшая в самом центре стола, словно безмолвно приглашая открыть её. Это был старинный ларчик из потемневшего от времени палисандра, с тонкой нитью слоновой кости по краю крышки и тусклой патиной на бронзовом замочке... Жанна подняла крышку и принялась перебирать содержимое. Здесь хранились её первые искренние письма к мужу Шарлю и детские памятные вещицы, подложенные ей некогда мадам Лебон, — всё то, что женщины обычно берегут как дорогие сердцу воспоминания.

В этот миг глубочайшего одиночества Жанна вдруг заметила среди пожелтевших фамильных бумаг странный листок, сложенный плотным четырёхугольным кошельком. Откуда он взялся? Этому посланию точно не было места среди её реликвий. Мадам д'Этиоль слишком хорошо помнила каждую мелочь в этой шкатулке, которую перебирала до этого множество раз.

Незнакомое послание было скреплено посредине массивным оттиском чёрного сургуча с изображением короны. Сгорая от внезапного волнения, Жанна взяла листок и подошла к самому свету ночника — восковой свечи под стеклянным колпаком. Сердце её колотилось так сильно, что глухие удары, казалось, разносились по притихшей спальне.

Она взломала тёмную печать. Под костяным ножом для писем хрупкий воск треснул с сухим щелчком, и плотный бумажный кокон бесшумно раскрылся. Внутри оказался лист роскошной, тяжёлой бумаги верже ручной выделки. Изящными, летящими росчерками там было выведено приглашение, от которого у Жанны перехватило дыхание. Каллиграфические строчки не просто звали её — они пробуждали пугающие предчувствия, странные сны и ночные кошмары, преследовавшие её с самого детства. Пророчество гадалки Лебон, казавшееся прежде наивной сказкой, обретало плоть. Наживка Судьбы ждала её именно здесь.

Поднося плотный лист к колеблющемуся пламени ночника, Жанна разглядывала рельефную сетку водяных знаков. На такой дорогой бумаге с благородными полосами обычно писались лишь королевские указы и тайные депеши высшей аристократии, в круг которой она так отчаянно рвалась. Но сейчас сквозь полупрозрачный лист ручной выделки на просвет проступило совсем иное, пугающее изображение. Это была не королевская лилия и не старинный дворянский герб, а тончайшая филигрань в виде песочных часов, густо оплетённых колючими стеблями чертополоха — древнего символа страдания, мести и уязвлённой гордости.

Этот знак не оставлял сомнений: приглашение пришло с Призрачного Рынка, блуждающего в пустоте между мирами. Он возникал из ниоткуда ровно в полночь и бесследно таял с первыми лучами рассвета, а переступить его тайный порог смертный мог лишь в глухой час ночи и только по личному зову самого хозяина.

Жанна застыла у бюро, сжимая в непослушных пальцах тяжёлый лист верже. Внутри неё шла глухая, беспощадная борьба. Она медленно обвела взглядом притихшую спальню, точно прощаясь с прежней жизнью. Идти? В глухую осеннюю ночь, одной, в полную неизвестность,

не оставив никому ни строчки? Чернильные завитки на бумаге были непреклонны: приглашение выписали только на её имя, и действовало оно лишь до рассвета. Время ещё оставалось, но медлить означало сдаться. Если она захлопнет шкатулку сейчас, этот призрачный шанс отпереть двери Версаля исчезнет навсегда, обрекая её состариться в Этиоле у остывающего очага.

Животный страх сковывал движения, требуя остаться в безопасности — рядом с обожающим мужем Шарлем и мирно спящей в колыбели Александриной. Но неутолимое честолюбие одержимой матери, горькая невозможность повернуть назад после всего, чем уже пришлось пожертвовать, и уязвлённое самолюбие, пылающее от полугодового королевского небрежения, перевесили. Слишком много сил было положено на алтарь этой судьбы, чтобы трусливо бежать на самом пороге.

Жанна решительно накинула на плечи тяжёлый тёмный плащ, подняла на голову глубокий капюшон и, сжимая в ладони лист верже, вновь склонилась над бюро. Она заглянула внутрь шкатулки и замерла: ларчик лишился дна. Вместо алой бархатной подложки там, внизу, разверзлась бездонная ночная пропасть, затянутая клубами холодного тумана, сквозь который пробивалось далёкое, манящее мерцание чужих звёзд.

Она удивлённо протянула руку навстречу этому таинственному сиянию, и в ту же секунду из провала шкатулки на неё хлынули знакомые, пугающие звуки и запахи — те самые, что годами таились в самых тёмных закоулках её души. По притихшей спальне растёкся памятный с детства аромат сырого речного ила, горьких трав и странного, неземного холода звёздной бездны.

Пространство спальни в Этиоле с хрустальным звоном раскололось, и Жанна в одно мгновение провалилась внутрь собственного забытого прошлого, шагнув прямо на потусторонние земли.

Она очутилась на неширокой пустынной аллее. Воздух здесь был удивительно чист и прозрачен — холодный, звенящий, он странным образом усмирял тревогу и прояснял мысли. Дорога вела в затерянную долину, раскинувшуюся, казалось, в самом центре мироздания, там, где небо сходилось с землёй. Впереди, на широкой площади, сквозь клубы нездешнего тумана медленно проступали призрачные очертания Призрачного Рынка.

Жанна удивилась тому, что по краям аллеи глубокой ночью пышно распустились густые кусты. Приглядевшись, она узнала ночную красавицу, которая раскрывается лишь после захода солнца и всю ночь благоухает своими чудесными малиновыми соцветиями с незабываемым тонким ароматом. Она с детства так любила эти цветы, что зашагала среди благоухающих зарослей уже без всякой опаски и страха. Жанна быстро миновала эту ночную тропу и оказалась прямо у входа в Лабиринт Отражений.

Где проходит торговля?

Торговля идет в Лабиринте Отражений — между двумя мирами. Вход охраняют гигантские павлины, чьи перья открывают проходы. Туда можно попасть только по специальному приглашению.

Центральная площадь сделана из прозрачных листьев. Здесь продаются восходы, закаты и утренняя роса.Здесь торгуют самым эфемерным - воспоминаниями и забытыми мечтами.

Внезапно на Жанну повеяло чем-то до боли знакомым, о чём она грезила ещё в детстве, — свежим, солёным ветром дальних странствий, от которого сладко защемило сердце.

Продавцами выступают неведомые существа.

Какие сделки заключают? О, самые невероятные, причем у каждого свои!

Вот Паук-контрабандист продает семена в обмен на рубины, которые дают власть над облаками. Вот Садовницы меняют улыбки младенцев на вечнозеленые лозы. А тут Коллекционер покупает запах весны, чтобы оживлять мертвые пустыни. Каждое утро Лабиринт исчезает, и следы сделок растворяются в тумане. Тут можно заглянуть в будущее. И это не просто озарение, а истинный дар творения.

Этот призрачный базар открывался всего на несколько часов от полуночи до рассвета. Здесь, среди мистических прилавков и мерцающих масляных фонарей, торговали всем, что навсегда стёрлось из человеческой памяти, — осколками живых чувств, пойманными в застывшем времени. И каждому, кто решался заплатить, здесь открывалось будущее — не как смутное предчувствие, а как страшная, живая сила творить собственную судьбу.

С первыми лучами солнца Лабиринт бесследно таял, и следы любых торгов растворялись в утреннем тумане. Но векселя, выписанные в этом призрачном мире, оставались навеки.

Вход в Лабиринт Отражений, обрамленный высокой розовой аркой с кружевной лепниной, охраняли два гигантских павлина. Они застыли друг напротив друга, словно зеркальные отражения, гордо изогнув шеи с глубоким, полуночно-синим оперением. Их тяжелые, царственные хвосты взрывались каскадами изумрудных и лазурных перьев, усыпанных шпионскими «глазками», которые фосфоресцировали в тумане. Хвосты птиц плотно смыкались у земли, полностью преграждая путь чужакам.

Птицы-стражи строго покосились на Жанну, но, заметив в её руке свёрнутое приглашение, низко склонили венчанные хохолками головы и, веером распустив пышные хвосты с тихим, переливчатым шелестом, плавно расступились. Светлячки на ее пути вспыхнули ярче, освещая ей путь вглубь.

Плотный туман стал постепенно рассеиваться, и перед её взором открылась огромная площадь, которая казалась хрупким, немыслимым чудом. Она очутилась в самом сердце этого места — на Центральной площади, полностью сотканной из звездной пыли, тускло поблёскивающей изнутри фосфорическим мерцающим белым светом. Прямо под открытым небом на воздушных прилавках неведомые существа продавали розовые восходы, багровые закаты и собранную в гранёные флаконы прохладную утреннюю росу, запечатанную на рассвете времён.

Окинув взглядом удивительную площадь, по краям которой стояло множество причудливых лавок, прилавков, навесов с диковинными товарами, она увидела что в центре ее высится шелковый красный шатер. Вход в него закрывал тяжёлый занавес с вышитыми золотом павлинами — вечным, зловещим символом тщеславия, гордыни и пустой внешней роскоши. Эти вытканные птицы словно олицетворяли весь блестящий и фальшивый Версаль, к которому она так отчаянно стремилась. При её приближении павлины ожили, сверкнув изумрудными глазами, они бережно раздвинули клювами плотные полотнища и открыли ей путь внутрь, безмолвно напоминая о том, что за ослепительным фасадом её ждёт исполнение самых дерзких желаний.

Глубокие багрово-красные стены шатра были опутаны сложными, готическими узорами. Там, за массивной дубовой стойкой, в окружении стеблей цветущего чертополоха её ждал сам Хозяин рынка — исполинский иссохший скелет в тяжелом черном плаще. Его череп венчала массивная золотая королевская корона, инкрустированная потемневшими рубинами. Пустые глазницы шпионским лазером отсканировали Жанну. Аукцион невозвратных векселей человеческой жизни был официально открыт. В одной костлявой руке Хозяин высоко держал старинные песочные часы, а в другой сжимал букет иссохшего чертополоха. На столе перед ним лежал развёрнутый пергаментный контракт, уже заполненный витиеватыми росчерками будущего судьбоносного договора.

Он низко поклонился мадам и пригласил ее к столу. Отложив часы и букет, которыми он встречал посетительницу, он протянул ей контракт, который Жанна стала внимательно читать. Да здесь было именно то, к чему она стремилась, чего жаждала, о чем грезила. Двадцать лет безраздельной власти над душой короля и казной Франции, взамен богатства, фарфоровых мануфактур и Версальского дворца её земная судьба окончится безжалостной версальской эпитафией: «Здесь покоится та, что семь лет была куртизанкой и тринадцать лет сводницей». Жанна хладнокровно обмакнула перо в чернильницу и твёрдой рукой поставила свою подпись.

Она была готова стать кем угодно, лишь бы навсегда завладеть вниманием монарха. Двадцать лет! В тот миг этот срок казался ей беспредельно огромным — молодость так безрассудна.

Хозяин рынка поклонился ей и костлявыми пальцами перевернул песочные часы. В ту же секунду Жанна почувствовала, как из её груди осязаемым розовым туманом вырывается способность испытывать настоящие, человеческие чувства. Её спонтанные девичьи слёзы, её первый искренний смех, глубокий душевный покой и способность любить мужа, ее жизнелюбие и молодое здоровье, вся её человеческая суть — всё это безвозвратно перетекло внутрь контракта. Взамен Скелет-Король наделил её редким даром абсолютного контроля над собственной мимикой и телом и исполнением всех заветных желаний.

Вновь церемонно поклонившись, он приложил свою печать, поставил подпись, а затем свернув пергамент и скрепив его черным сургучом вторично, спрятал в большой кованый сундук Судьбы, стоявший позади стойки, и запер на огромный висячий замок Вечности. Затем он преподнес ей букет чертополоха а песочные часы, поставил на стеллаж, где бесконечными рядами мерцали такие же сосуды человеческих судеб. Песчинки начали свой бег и ее время потекло.

Проводив Жанну к выходу он царственным жестом обвёл рукой бесконечные ряды причудливых лавок, воденеющих в тумане. Мадам вольна гулять по рынку и покупать, менять, смотреть.

Жанна медленно пошла вдоль мерцающих рядов. Здесь, на Призрачном Рынке, торговали всем, что люди когда-либо потеряли на земле — и не только вещами. Забытые слова в конвертах, несбывшиеся мечты, утраченные иллюзии.

Время... Время — это товар. Время — это то что Вы потеряли. И теперь его можно купить обратно или вновь продать.

На этих прилавках, затерянных в холодном белом тумане, Менялы выставляли то, чему в реальном мире не было цены. Жанна шла мимо ящиков, где торговцы бережно перебирали:

Чистые детские клятвы, запертые в крошечных шкатулочках из слоновой кости — их сдавали за бесценок начинающие политики ради первого министерского кресла.

Искренний смех, законсервированный в переливающихся хрустальных флаконах — плата родовитых аристократок за право высокомерно улыбаться в первом ряду королевской свиты.

Сны без кошмаров, аккуратно перевязанные бечевой и упакованные в прочные металлические ящички - их без оглядки отдавали полководцы в обмен на маршальские жезлы и выигранные сражения.

Память о первой, юношеской любви, испаряющуюся из надколотых чашек едва заметным сизым дымом — самый ходовой товар среди тех, кто рвался к богатству, и желал платить собственным телом и даже душой.

Здесь было всё, что люди добровольно вычерпывали из своих душ ради иллюзорного блеска Версаля. Но самым страшным товаром оставалось Время. На базаре забытых вещей оно текло беспрерывно, и песчинки продолжали свой лихорадочный бег. Менялы продавали иллюзию возвращенных дней, но забирали за неё втридорога — саму человеческую суть.

Призрачный рынок не берет золото и драгоценности. Он забирает то, что делает человека живым. Жанна хочет фальшивого блеска, поэтому рынок заберет у нее истинные человеческие дары. Она получит золото Версаля, титулы и власть. Она будет улыбаться королю безупречной, придворной улыбкой. Но сама больше никогда в жизни не почувствует счастья, радости или веселья. Ее внутренний мир станет таким же холодным, как мрамор Версаля. Чтобы стать «богиней» Версаля, она должна забыть, кем была. Рынок заберет воспоминания о ее матери, о детстве, о вкусе простой человеческой еды, тихом полуночном покое, безоблачном сне, ярких и согревающих душу воспоминаниях жизни и самом вкусе жизни.. Она станет идеальной куклой без прошлого и уже предначертанного будущего.

Мадам д'Этиоль шла мимо диковинных прилавков, и её новое, обретенное в шатре чутье хладнокровно фиксировало детали. Призрачный Рынок завораживал с первой секунды. Это был совершенно особый мир, где на лотках и прилавках, опутанных кружевом светлячков и освещенных масляными фонарями, торговали всем, что человечество умудрилось потерять за века своего существования. Здесь не было привычной рыночной пошлости и мещанской суеты. Немногочисленные покупатели сторонились друг друга. Пока кто то один стоял у прилавка, другие в это время старались не подходить к нему, переждать. Торговля шла приватно, все переговоры велись тет-а-тет. Посетителям рынка незачем было афишировать себя и одеты все были соответственно, женщины в глухих накидках и вуалях, мужчины в тяжелых капюшонах и шляпах скрывающих лица. Продавцы времени в тёмных мантиях безмолвно предлагали товар, который невозможно потрогать руками, но за который каждый в толпе готов был отдать последнее.

Пройдя чуть дальше под сводами звездного ночного неба, Жанна замерла. Её новое, хладнокровное чутьё хищника заставило её пристально вглядеться в фигуру странного существа, застывшего у огромных напольных часов из резного дуба. Это был автоматон — механический человек, облаченный в роскошный бархатный камзол винного оттенка с золотым шитьем, какое носили лишь при дворе в Версале. Вместо лица у него была безупречная, мертвенно-гладкая фарфоровая маска, скрывавшая любые движения души, а из сочленений шеи с тихим шипением вырывались струи холодного сизого тумана.

Металлические, собранные из начищенных серебряных шарниров пальцы без устали перебирали лавину писем, сыпавшихся прямо из распахнутых недр почтового ящика Времени. К удивлению Жанны, это были не привычные сложенные кошельками записки и свитки, а странные, плоские бумажные конверты прямоугольной формы, скрепленные каплями красного сургуча. Словно почувствовав её взгляд, существо повернуло к ней свою фарфоровую маску. Жанна ощутила, как по спине пробежал холодок: этот безупречный, лишенный эмоций автомат, беззвучно сортирующий чужие невысказанные слова, которые так и не были сказаны. Фарфоровый автоматон одетый по последней моде неумолимо напоминал ей её саму — ту Жанну, что родилась всего мгновение назад в шатре у хозяина рынка.

Позади торговых рядов высился огромный Склад стихий — мрачное пугающее здание. До самого потолка оно было заставлено удивительными сосудами, внутри которых томились запертые грозовые молнии, шумели тропические ливни, метались бешеные бури и ураганы. В одних сосудах переливались зеленые сполохи далекого северного сияния, в других же мерно колыхались покорные муссоны, соленые морские бризы и теплые пассаты.

По мере того как Жанна шла вглубь Рынка, толпа посетителей становилась всё гуще. Сквозь этот извилистый людской поток под звёздными сводами непрерывно разносился беззвучный, маятниковый зазыв механического голоса, отсчитывающего её шаги:

Здесь струны медью звенят в пустоте,Продаётся ушедшее время.Стынет первый твой снег на холодной плите,Облегчая земное нам бремя.

Под часами, ушедшими за горизонт,Торг беззвучный вершится ночами.Раскрывается призрачный, шёлковый зонтНад забытыми всеми вещами.

В Лабиринте Отражений в тиши,Где ломаются судьбы и стрелки,Ходит маятник, вкрадчиво меря шаги,Узаконив суровые сделки.

За блистанье, за роскошь, за славу и спесь,Чтоб разжечь благосклонность монарха,Продаётся секунд уходящая смесьНа прилавках бездушного Рынка.

Механический голос считает грошиИ секундные стрелки колышет.На Торгу у проданной бледной душиЭту сделку никто не услышит.

Будущая маркиза де Помпадур шла мимо прилавков, где торговцы бережно перебирали подношения других честолюбцев. Они вовсе не были бесплотными призраками, эти торговцы. Вот, например, Меняла — пожилой, иссохший мужчина с пронзительным, видящим насквозь

взглядом желтоватых глаз и хищной, торжествующей ухмылкой на исхудавшем лице. Его растрёпанные седые волосы серебрились в свете луны, а заострённые уши выдавали в нём существо нечеловеческой природы. Меняла был одет в глухой тёмный камзол с белым кружевным воротником, а пространство вокруг его прилавка было плотно оплетено сухими листьями и стеблями дикого чертополоха с фиолетовыми шапками цветов и острыми, цепкими шипами. В своих длинных узловатых пальцах он крепко сжимал массивную, богато украшенную чеканкой золотую чашу, на дне которой тускло мерцала патина невозвратных человеческих долгов.

Торговец плотоядно прищурился, глядя на Жанну, и в тишине базара раздался его тихий, сухой, похожий на шелест пергамента голос:

— Вы пришли за Версалем, мадам? Контракт Хозяина обеспечит вам триумф, но дворец Бурбонов — это змеиное гнездо. Помните, как мучительно умирала герцогиня де Шатору всего несколько месяцев назад? Король болен сифилисом, его кровь отравлена, а его придворные не пощадят буржуазную выскочку, посягнувшую на постель монарха. У меня есть то, что убережет вас от их излюбленного оружия. Абсолютное противоядие. Капля этого эликсира в моей золотой чаше навсегда защитит ваше тело от любых внешних ядов. Ни один отравитель во Франции не сможет подсыпать вам ни крупицы мышьяка, ни капли тайной сулемы. Но на этом рынке у каждого товара своя цена. Что вы прольете в мою чашу обмена?

Жанна посмотрела на изумительную притягательную чашу в его узловатых пальцах. Панический страх повторить жуткую судьбу Шатору и понимание, что Версаль не прощает чужаков, перевесили всё остальное. Полугодовое томительное ожидание королевского зова вымотало её, и теперь она думала только о собственной безопасности на пути к престолу. О маленькой Александрине, мирно спящей в усадьбе Этиоль, Жанна даже не вспомнила — ей и в голову не могло прийти, что в будущем у кого-то поднимется рука на хрупкого ребенка. Ей нужно было защитить себя.

— Меняю!

Меняла хищно осклабился, обнажив темные зубы, и золотая чаша в его руках тускло полыхнула, принимая плату. Жанна повернулась, чтобы уйти, уверенная, что обхитрила версальских заговорщиков и полностью обезопасила свое восхождение.

Но пройдя всего несколько шагов под звёздными сводами, она поняла, что жестоко, непоправимо прогадала. Тварь междумирья обманула её, сыграв на её эгоистичном страхе за собственную шкуру. Меняла защитил от яда её саму, но оставил беззащитной её дочь. Жанна думала, что выкупила свою безопасность, но вместо этого лишила последней защиты своего ребенка остался уязвим для смертоносного перитонита, который спустя годы разорвет девочку изнутри. Она пока не знала этого, но чувствовала смутную тревогу.

Шатаясь от первого, пока еще смутного ощущения своей новой уязвимости, Жанна двинулась дальше вдоль сияющих прилавков. Её хладнокровный взгляд, избавленный Королем-Скелетом от лишних девичьих чувств, безошибочно выхватил из полумрака Лабиринта следующую лавку.

И таких существ, Менял и Хранителей, на базаре было великое множество. У каждого из них имелся свой ранг, своя лавка и своя жуткая сила — целая негласная династия, правящая теневой стороной земного тщеславия. Но Жанна решительно приняла все условия сделки. Она согласилась заплатить полную цену. Мелкие песчинки в часах стремительно побежали вниз, отсчитывая начало её новой судьбы. А позади неё, в холодном белом тумане, другие редкие гости уже протягивали руки к призрачным прилавкам, испуганно пытаясь сторговаться за свои утерянные души.

Она подошла к новым прилавкам. Здесь уже другой товар, более понятный и знакомый. Прилавок окружили дамы. А понятно, здесь продавали дамские штучки из шантильи — это тип тончайшего, изысканного плетеного кружева из черных шелковых нитей, которое стало настоящим культом во Франции XVIII века, оно находилось на пике моды. Главная черта шан-

тильи — сложнейшие, витиеватые растительные и цветочные узоры, чаще всего крупные корзины с цветами, гирлянды из роз или тюльпанов. Рисунок плелся на тончайшей, почти прозрачной сетке-основе. При этом контуры цветов обводились более толстой, глянцевой шелковой нитью, что создавало потрясающий объемный эффект. Для полутеней использовалась легкая штриховка, из-за чего кружево казалось невесомым, как дым. Но у него была смертоносная цена. Плетение шантильи вручную требовало колоссального труда и невероятного напряжения зрения. Позже, уже в годы Французской революции, кружевниц Шантильи даже массово отправляли на гильотину: якобинцы считали их ремесло преступной роскошью, обслуживающей капризы версальской знати. Жанна перебирала веера, при взмахе веера рождает не просто охмуряющий сквозняк, а гипнотический, пьянящий вихрь, что превращало веер в абсолютное оружие соблазна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.